

Томас Элой МАРТИНЕС,
аргентинский писатель, директор Центра латиноамериканских
исследований университета Ратджерс, Нью-Джерси, США

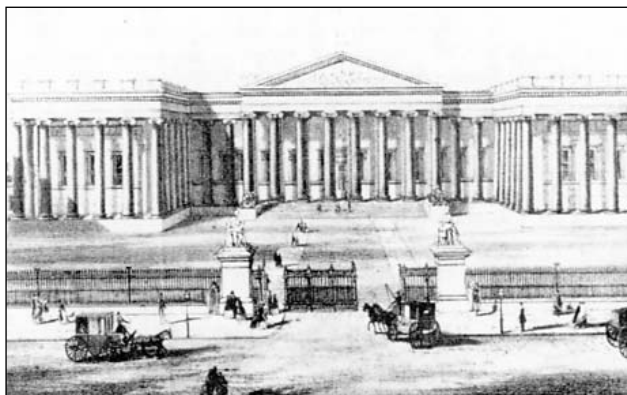
Книга в эпоху глобализации

Доклад, сделанный на открытии Конгресса

*Мы, собравшиеся здесь, всегда будем представлять
себе рай чем-то вроде библиотеки.*

Э. МАРТИНЕС

В дальнем углу лондонского Британского музея хранится крошечная глиняная табличка, на которой запечатлено несколько строк о всемирном потопе. Эти строки из шумеро-вавилонской поэмы о Гильгамеше¹⁾ были написаны клинописью более 4300 лет тому назад. Данная табличка была частью библиотеки царя Ашшурбанипала,²⁾ одной из первых известных библиотек мира. В то время плоды воображения безымянного автора «Гильгамеша» были доступны лишь небольшой горстке избранных, составлявшей 200-1000 человек.

Британский музей в Лондоне (библиотека размещалась в правой части здания)

На заре цивилизации умение читать было куда большей редкостью, чем умение выращивать урожай или воевать. В ту пору художественная литература существовала благодаря рапсодам,³⁾ которые пели и импровизировали; остальные лишь слушали и запоминали. Если не считать немногих песен о царях и воинах, искавших бессмертия, единственной целью этих древних клинописных табличек был учет торговых операций, а также фиксация

Гильгамеш со львенком

некоторых великих событий: побед, завоеваний и коронаций.

Сколько систем письменности существовало в ту эпоху в других странах, неизвестно. Количество сохранившихся составляет каббалистическое число «семь». Все они родились в Восточной Греции, на Крите, в Месопотамии, в долинах Нила, Инда, между великими китайскими реками Хуанхэ и Янцзы, на Анатолийском плоскогорье⁴⁾ и в древнеперсидском городе Су-са. Чтобы научиться складывать слова в ту мелодию, которую мы теперь называем книгой, понадобилось два тысячелетия. Первые книги не относились к художественной литературе. Это были магические формулы, гадания по направлению полета птиц, движению травы или внутренностям животных. Люди пытались с помощью явлений природы определить свою судьбу. А книги запечатлевали судьбу и вечность в словесной форме.

Возможно, величайшее чудо книги состоит именно в ее способности трансформироваться. Информация передавалась от поколения к поколению в устной форме, пока кто-то не испугался, что слово может исчезнуть, и не приказал сохранить его в рукописном виде. Именно так произошло с «Илиадой» и «Тысячью и одной ночью», а позже со священными текстами, печатными книгами, Вавилонской библиотекой Хорхе Луиса Борхеса и виртуальными символами, которые вводятся в компьютеры. Конечно, основой книги является письменность; это мнение поддерживали Аристотель, китайские мудрецы 15-го века до нашей эры, Вольтер и энциклопедисты. В своей «Логике» Аристотель писал: «Устное слово является символом духовного опыта, а письменное слово – символом устного». **Если верить Тай Чуну, китайцы называли письменность «рисованным словом», а речь – «дыханием букв».** Вольтер также говорил нечто подобное: «Письменность – изображение голоса; чем больше они похожи друг на друга, тем лучше».

На заре истории, когда письменность отсутствовала, люди составляли книги, сами не зная, что они делают именно это; собранные ими рассказы звучали в общественных местах – на площадях, в замках и академиях. **Авторов в современном понимании этого слова не существовало: литературные произведения были плодом коллективного творчества и рождались в ходе диспутов наподобие тех, которые описаны в «Диалогах» Платона. «Илиада» и «Одиссея» являются результатом труда многих людей – иными словами, множества Гомеров, живших в 8-6-м веках до нашей эры.** Каждый рапсод, пересказывавший «Илиаду», либо добавлял от себя строчку, либо выкидывал ее, пока это «подвижное пространство» не было зафиксировано. То же самое произошло с каноническими и апокрифическими евангелиями, с текстами Конфуция, сожженными первым китайским императором и заново записанными по памяти его учениками, и даже со знаменитым средневековым китайским романом «Речные заводи», который мог состоять из сотен, тысяч, десятков тысяч эпизодов и в то же время оставаться единым целым.

Сила книги заключается в ее протечности – способности принимать множество форм, существовать в виде звука, тома, виртуального символа или во всех этих видах одновременно, храниться в памяти одного человека, но воплощать в себе всю культуру.

В древности тот, кто слышал слова, зафиксированные в книге, пересказывал или читал их, придавал им устную форму (как известно, чтение «про себя» возникло намного позже) и вкупе со слушателями менял содержание книги. Чтение было актом общественным – прочитанное обогащалось добавлениями или комментариями; это не запрещалось, а наоборот, приветствовалось и одобрялось обществом. Хотя впоследствии «отцы церкви» провели строгую грань между частным (или высоким) и общественным (или низким) знанием священных текстов, однако многие поэмы, рыцарские романы и широко известные сказки продолжали быть плодом деятельности многих поколений, каждое из которых оставляло в них свой культурный и лингвистический след. В качестве примера можно привести рыцарский роман «Амадис Гальский», «Песнь о Роланде», поэму о Сиде и англосаксонскую эпическую поэму «Беовульф». Одновременно было создано несколько величайших индивидуальных творений,

благодаря которым впоследствии возникло понятие «автор». Здесь следует назвать «Божественную комедию» Данте (1265-1321), «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера (1340?-1400), «Книгу благочестивой любви» архиепископа Гитского и придворную даму Сикибу Мурасаки, которая в 1001-1003 гг. создала первый и, возможно, самый лучший женский роман «Гэндзи-моноготари», обогативший и развивший японский язык.⁵⁾

Решающую роль в отношениях между автором и читателем сыграло изобретение печатного прессы, после которого книга превратилась в явление частной жизни. Она вошла в обиход, стала другом одиноких, наперсником тайн, источником иллюзий и средством передачи зашифрованных посланий. Кроме того, книга давала возможность воспринимать каждую фразу в зависимости от настроения, которое ощущал читатель в определенный момент своей жизни. С течением времени смысл воспринимаемой читателем фразы мог меняться, как точно описал Хорхе Луис Борхес в своем рассказе «Пьер Менар, автор «Дон-Кихота».

Иоганн Гутенберг

Вскоре после того как Иоганн Гутенберг напечатал в Майнце так называемую 42-строчную Библию, в 1474 г. ученый-гуманист Альд Мануций основал в Венеции типографию для издания трудов, которые были ему необходимы при чтении лекций. Сначала он напечатал в удобном формате труды греческих классиков Софокла, Аристотеля, Платона, Фукидида, потом римлян Вергилия, Горация и Овидия и закончил подборку слова-

рями и трактатами по грамматике. Однако эти издания, до сих пор считающиеся непревзойденным образцом книгопечатания, имели еще и сверхзадачу: Мануций издал их безо всяких замечаний и комментариев, чтобы читатели могли обратиться непосредственно к тексту, освобожденному от позднейших толкований, и вступить в самостоятельный диалог с «великими мертвецами»

Идея книги как своеобразного диалога с мертвыми откликнулась эхом пять столетий спустя, когда Мишель де Серто назвал историю «предоставлением сцены прошлым поколениям», а Жан Поль Сартр заявил, что все произведения литературы и искусства становятся реальными и приобретают смысл только тогда, когда их воспринимает и одобряет кто-то дру-

гой. Личное отношение читателей к книге порождает тысячи Дон-Кихотов, тысячи страдающих молодых Вертеров, каждый из которых страдает по-своему, легионы мадам Бовари, Дэвидов Копперфилдов, Леопольдов Блумов,⁶⁾ Гумбертов Гумбертов и Лолит. Я называю лишь главных героев знаменитых романов, но личное отношение к печатному слову распространяется на все виды человеческого знания, которые связаны с воображением, а затем с фиксацией его результатов: кинематограф, историю, науку, философию и так далее. Рано или поздно благодаря библиотеке каждый знак распространяется в обществе, будь то рукопись, фотография, гравюра, справка для эксперта, газета, журнал, книга или виртуальная информация.

В каком-то смысле широкое распространение виртуальной информации заставило нас вернуться вспять, ко временам публичного чтения вслух, связи и взаимодействия людей с помощью знаков. Человечество перешло с древней городской площади (на которой язык создавался и совершенствовался благодаря диалогу) в комнату, где читатель вступал с текстом в личные отношения, а из этой комнаты вышло на новую городскую площадь, где читатель, в одиночестве сидящий перед клавиатурой, сопоставляет свой личный опыт с бесконечными текстами, которые он получает из сети. Книги и информацию, которые циркулируют в этом виртуальном пространстве, может найти и получить каждый, причем очень часто в сопровождении чужих мнений и комментариев, возникших в процессе чтения. Как-то я прочел в одном сетевом «общественном форуме», где высказываются тысячи людей, что некий находчивый участник форума перечитал «Дон-Кихота» и перевел литературную речь Санчо Пансы, в которой тот прощается с постом губернатора острова Баратария, на подлинный язык, которым говорили испанские крестьяне 16-го века. Это вызвало оживленную дискуссию; принявшие в ней участие студенты-филологи и почитатели «золотого века» испанской литературы поправили ошибки переводчика и предложили свои варианты перевода той же речи. В этой бесконечной «всемирной паутине» текст первоисточника остался прежним и в то же время преобразился в нечто вроде устья реки, где каждый читатель смешивается с текстом и выворачивает его наизнанку. **Текст пострадал и в то же время ожил, поскольку каждое слово, которое произносится и подвергается сомнению, обретает новую жизнь.**

Мало-помалу эта новая городская площадь, это чистилище или рай виртуальности начало

расти, как дикое дерево. Фантастическая Вавилонская библиотека, в которую Борхес включил все книги прошлого, все ненаписанные книги и все варианты каждой из них, возникла быстрее, чем ожидалось. Она уже существует.

Философ Поль Вирилио писал, что если главной чертой новейшей истории является материальная скорость (Фернан Бродель⁷⁾ в своей истории европейской цивилизации 15-18-го веков говорил о «медленности транспорта»), то главная черта современности – это скорость света. **«Человека одолела технология, которую он создал своим умом и своими руками; технология, которая способна выполнять действия, намного превосходящие наши понятия о прошлом и будущем»,** – писал он. В Интернете, распространившемся по всему земному шару, нет ни дня, ни ночи, ни часов. **Сегодня я могу прочитать о том, что случилось вчера на острове Пасхи и что случилось завтра в Токио. Теперь мы погружены в океан времени, который движется быстрее, чем наше воображение.**

Но не следует верить фальшивым пророкам, которые твердят, что виртуальная информация кончит с книгой в ее традиционном виде – иными словами, с прямоугольным предметом из картона, ткани или кожи, внутри которого содержатся листы бумаги, покрытые знаками. Может быть, книга приобретет другой внешний вид, как уже не раз бывало. Может быть, с помощью легкого прикосновения указательного пальца можно будет перелистать всю библиотеку, как это случилось со мной в нью-йоркском музее на Шестой авеню, где представлены рисунки детей и подростков, собранные оксфордским дьяконом, которого мы знаем под именем Льюиса Кэрролла.⁸⁾ И все же книга в том виде, который она приобрела больше пятисот пятидесяти лет назад, останется преобладающей, потому что всегда будут существовать люди, которые предпочтут личное общение с автором посредством страниц, которые оживают, когда ты открываешь том. Всегда будут существовать люди, которые захотят читать книгу только в том издании, в котором они прочитали ее в первый раз, которые захотят восстановить в памяти прошлое и все, что с ним связано. **Сам Уильям Гейтс, владелец компании «Майкрософт», в 1999 г. говорил: «Несомненно, читать с экрана куда хуже, чем читать с бумажного листа. Даже я, имеющий доступ к самым дорогим экранам, предпочитаю иметь дело с текстами, которые представляют собой нечто большее, чем четыре-пять бумажных страниц, сверху донизу заполненных печатными буквами».**

Все великие культуры возникли благодаря той или иной священной книге, а для некоторых народов вроде евреев священная книга в течение многих веков была их единственной родной. Из Ветхого Завета, Евангелия, Торы, Корана, конфуцианского «Шу и Йи», буддийского канона «Буддавакана» (согласно религиозным воззрениям, продиктованных их создателям Святым Духом) мы узнали почти все представления людей о Боге. Список бесконечен: эпос майя «Чилам-Балам и Пополь-Вух»,⁹⁾ космология таких практически не имеющих письменности народов, как варано из дельты реки Амакуро, священные тексты с южного Нила и равнин Гренландии и так далее. **Книга – не только компас, указывающий на нашу общность и различия, но и средство, позволяющее понимать Другое и других.**

Когда я был подростком, библиотекари казались мне продолжением Бога, наследниками неисчерпаемого знания. Образование я получил не столько из университетских учебников, сколько из книг, которые брал в библиотеке имени Сармьенто города Тукуман, которой пользовался с 11 до 18 лет. Каждое утро я возвращал книгу, взятую накануне, и библиотекарь – бывшая учительница истории, уволенная из школы за разногласия с правительством, – откладывала для меня поразительную новую книгу. Именно там я познакомился с Геродотом, Фукидидом, диалогами Платона, «Царем Эдипом» Софокла, шестью великими трагедиями Шекспира, «Дон-Кихотом», анатомией Тестю-Латарже (которую читал как детектив), романами Дюма о Франции 16-го века, с трилогией «Лунатики» Германа Броха,¹⁰⁾ с «Замком» Кафки, с рассказами Борхеса и пламенными сочинениями Доминго Фаустино Сармьенто.¹¹⁾

Еще совсем не так давно книга сохраняла ауру святости (которую, если верить Борхесу, она не потеряет никогда). Возможно, вместо слова «святость» мне следовало бы воспользоваться словом «достоинство». **Всего полвека назад книга оставалась единственным источником знания, а не одним из видов товара, как выяснилось впоследствии.** Тогда книге не угрожали **рискованные международные проекты или потоки глобализации, которые могут стимулировать экономику и промышленность, но не воображение и свободу творчества.** Книга сопротивляется, однако рынок наступает на нее как орда. Может быть, эту мысль пояснят два забавных случая, которые произошли со мной совсем недавно.

Несколько месяцев назад я зашел в один из магазинов сети «Бордерс». Дело было в Ист-

Брансуике, штат Нью-Джерси. Это один из огромных супермаркетов, где торгуют книгами, аудиозаписями, календарями и поздравительными открытками одновременно. Такие сети магазинов как «Бордерс», «Барнс», «Ноблс», а во Франции и Испании «Фнак» продают главным образом классическую литературу в доступных изданиях. В тот день я пытался найти экземпляр «Правдивой и печальной трагедии о Ромео и Джульетте», адаптированный для средней школы. Я искал его на тех же полках, где неделю назад нашел для дочери «Трагедию о Ричарде Третьем» и «Сон в летнюю ночь», среди сочинений того же автора, но так и не обнаружил. Произведение, которое мне требовалось, присутствовало в собраниях сочинений, однако собрания сочинений мне не требовались. Я обратился за помощью к консультанту. Нерадивый служащий прятался от меня, закрывшись спортивным журналом. Я попросил его проверить, нет ли лишних экземпляров на складе, и дал ему полное название книги. В их базе данных оно не числилось. Затем я попросил провести поиск по сокращенному названию «Ромео и Джульетта». Результат был тот же. Тогда я сказал: «Попробуйте провести поиск по фамилии автора». Служащий равнодушно посмотрел на меня и попросил назвать фамилию «Шекспир» по буквам. Если вы думаете, что я шучу, то вы ошибаетесь. В конце мая я пошел в мадридский магазин сети «Фнак», чтобы купить любое издание «Пройдохи» Кеведо (в просторечии так называется плутовской роман 17-го века «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» Франсиско де Кеведо-и-Вильегаса). Я спросил продавщицу, которая поправляла макияж: «Где я могу найти «Пройдоху» Кеведо?» Ответ был еще более разочаровывающим, чем в Нью-Джерси. Она подошла к компьютеру, проверила базу данных и не обнаружила там никакой информации. А потом добавила: «Романа с таким названием у нас нет. Наверно, следует провести поиск по фамилии автора».

Целью битв, которые ведутся в эпоху глобализации, является не завоевание нового читателя или создание его, а борьба с рынком, оглуляющим потребителей информации, и со все более усиливающимся нежеланием последних видеть в книге средство, позволяющее людям посмотреть на себя со стороны. Глобализация порождает океаны информации, которую нужно обрабатывать, и книг, которые нужно читать, и одновременно создает такое вопиющее неравенство, которое раньше невозможно было себе представить.

Причина в том, что глобализуется рынок, а не люди. Одна пятая часть населения земного шара пока не имеет доступа к образованию; к ним нужно прибавить еще три с лишним пятых, которые не могут покупать книги, потому что в перечне семейных расходов на первом месте стоят еда, жилье и одежда, а жалованье, которое получают эти люди, часто не позволяет им обеспечить материальные нужды. Сегодня полтора миллиарда людей испытывают недостаток воды для питья, а больше миллиарда живет в тесных и неблагоустроенных жилищах.

Но дело не в статистике, а в причинах морального свойства. Материальные лишения и отсутствие справедливости могут отрицательно сказаться даже на самых стойких умах, но жадным это безразлично. **Миллиард триста миллионов людей живут меньше чем на доллар в сутки.** Разве они могут думать о покупке книг? **А в это время три самых богатых человека земного шара, стоящие на другом конце социальной лестницы, зарабатывают в год суммы, превышающие совокупный национальный валовой продукт срока трех беднейших стран мира.**

Глобализация усилила бедность и зависимость слаборазвитых стран, но я надеюсь, что в конце концов она откроет людям глаза. **Мы, аргентинцы, живем практически на краю света; просыпаясь, мы ощущаем на своих плечах тяжесть географической карты. И тем не менее мы находимся в центре, потому что всех нас уравнивает невежество.** Крестьянин из Огайо, Перигора или Украины может знать о квантовой физике или средствах изучения космоса так же мало, как крестьянин из аргентинских прерий или ремесленник из Зимбабве. Наверно, крестьянин из Огайо может следить за телевизионным изображением Марса безо всяких проблем, а у аргентинского крестьянина во время этой телепередачи отключат электричество. Но в конечном счете уравнивает нас не знание, а незнание.

Для тех, кто обитает в сиротском доме вселенной, книга является единственным средством понимания. Круговой порукой, которая предполагает всеобщую связь. Все войны в истории велись для того, чтобы разъединить нас, в то время как книга объединяла людей и заставляла их устремляться в будущее.

Следовательно, сохранение и увеличение числа библиотек – это не только акт справедливости. Это еще и способ самовыра-

жения человечества. Как сказал **Уильям Фолкнер** в своей Нобелевской речи, **«неутомимый человеческий голос все еще звучит. Я верю, что человек не только выживет, но и победит, ибо у него есть душа, которая говорит в книгах, есть дух, способный к состраданию, жертвам и терпению».**

Мы с вами находимся в стране, крупнейшая библиотека которой – Национальная – стала символом благодаря стараниям Хорхе Луиса Борхеса, бывшего ее директором восемнадцать лет. Борхес гордился тем, что два великих писателя прошлого тоже были слепыми, и в своей «Поэме даров» говорил о том, что слепота, чтение и счастье обладать книгами позволили ему представить рай в виде библиотеки. Он писал: «В этом городе книг/ пара глаз, что не видят света,/ позволяет владельцам читать/ лишь в библиотеках мечты».

Хорхе Луис Борхес

Рай Борхеса всегда был скромным и насчитывал максимум миллион томов, но судьба у него необычная. В начале 20-го века дворец на Мехико-стрит, который впоследствии заняла Национальная библиотека, принадлежал Управлению государственных лотерей, о чем говорят и поныне украшающие фасад барельефы богини Фортуны, крылатых нимф с завязанными глазами и больших бронзовых рулеток. А двадцать с лишним лет назад книги перевезли на другой конец Буэнос-Айреса, и в старинное здание миланско-

го стиля эпохи Возрождения въехал Национальный центр музыки. Там, где сначала слышался возбужденный шепот людей, искавших счастья, а впоследствии шелест книг, теперь звучат скрипки, тромбоны, фаготы и рояли. В Аргентине судьба вещей всегда была странной.

На этом удивительном континенте есть две удивительных библиотеки. Одна из них овеена мифами. Португальские короли собирали ее четыре века – с 15-го по 18-й. Незадолго до землетрясения 1755-го года, разрушившего Лиссабон, она насчитывала почти семьдесят тысяч томов (цифра для того времени гигантская), не считая редких документов, инкунабул, коллекций гравюр, нот и географических карт. Как пишет Лилия Мориц-Шварц в своей поразительной книге «Долгая жизнь королевской библиотеки», это богатейшее собрание письменных источников было символом португальской монархии.

Данный факт получил подтверждение, когда в ноябре 1807-го года весь королевский двор Браганса¹² бежал в Бразилию, спасаясь от нашествия армии Наполеона. **Перевозка книг считалась делом такой же государственной важности, как и перевозка остального имущества короля.** И все же некоторые сокровища в течение нескольких месяцев лежали под открытым небом на борту корабля, стоявшего на якоре в нескольких милях от Лиссабона. Библия Гутенберга, напечатанная в Майнце, и «Книга часов» 14-го века были в последний момент спасены от дождя библиотекарем, имя которого – Луиш Жуакин душ Сантуш Маррокуш – следует помнить, ибо именно он в марте 1811-го года переправил оставшиеся в Португалии 87 ящиков с книгами через Азорские острова в «варварскую тропическую колонию».

После долгого и тяжелого морского путешествия гигантская библиотека наконец достигла суши. Первые тома поместили в катакомбы, где хранились останки монахов ордена кармелитов, однако после прибытия новых кораблей это место было признано непригодным, поэтому король Жуан IV отвел под книгохранилище последний этаж больницы. В конце концов библиотека получила собственное здание неподалеку от королевского дворца в Рио-де-Жанейро и начала распространять влияние на вновь созданную Бразильскую империю. Похоже, что в порту Сальвадор, расположенном в бухте Тодус-лус-Сантус, где причалил первый корабль с королевским двором и книгами, произошло нечто странное. Во время разгрузки два или три ящика исчезли и считались потерянными навсегда, пока в 1984-м году в алтаре религиозно-мистической секты «сертао» на северо-востоке Бразилии не были найдены некоторые иллюстрации из кабинета редких книг, входившего в состав библиотеки португальских королей; изображения змей и бабочек члены секты использовали во время чтения заклинаний. Как бы там ни было, а человечество всегда мечтало о книгах: для одних они означали знание, для других – свободу, а для третьих – веру.

Вторая удивительная библиотека была построена Джоном Пирпонтотом Морганом в Нью-Йорке, на Мэдисон-авеню, между 36-й и 37-й улицами, за тридцать лет до того как Борхес написал свою «Вавилонскую библиотеку». Фантастическая библиотека Борхеса гордилась количеством хранившихся в ней книг и именно поэтому была бесполезной. Гордостью библиотеки Моргана является качество. Она собирает лишь те произведения, которые человечество сочло заслуживающими бессмертия, причем только в одном экземпляре.

Однако странная библиотека Моргана не имеет никакого отношения к знанию. Здесь ценятся лишь редкие издания или рукописи. Хотя знаменитый банкир сам читал мало, но покупал книги как настоящий знаток. Во время поездки в Европу в 1860-м году он непонятным образом обнаружил рукопись «Эндимиона», поэмы в четырех частях, опубликованной Джоном Китсом¹³ в 1818-м году. Примерно в то же время Морган убедил Чарльза Диккенса почти даром отдать ему рукопись «Рождественских повестей», одной из самых знаменитых книг в истории литературы.

По совету своего племянника Джуниуса Морган купил ассирийские таблички, Евангелия с комментариями средневековых монахов, первую печатную Библию Гутенберга, первое издание «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (Венеция, 1478), первое издание шекспировских комедий, трагедий и поэм (Лондон, 1623), рукопись «Математических начал натуральной философии», в которой Ньютон сформулировал свой закон всемирного тяготения, «Энциклопедию», изданную Дидро, все существовавшие к тому времени издания «Алисы в стране чудес» и «Маленького принца» Сент-Экзюпери.

Во дворце на Мэдисон-авеню есть более ценные рукописи, чем в Британском музее. Только здесь хранятся уцелевшие фрагменты «Потерянного рая» Джона Мильтона, последний вариант «Опыта о человеческом разуме» Джона Локка,¹⁴ несколько писем Джорджа Вашингтона, Джейн Остин и Уильяма Теккерея, оригиналы «Айвенго» Вальтера Скотта и байроновского «Дон-Жуана», полный текст «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда и тридцать пять страниц, на которых Эйнштейн объясняет, как он создал теорию относительности.

Хотя все величайшие мудрецы древности излагали свои идеи в устной форме, люди продолжают искать в книгах мудрость и дыхание вечности, считая, что их нельзя найти ни в красноречии, ни в недолговечном кинематографе.

Книги подобны воде. Воду перекрывают плотины и дамбы, но в конце концов она всегда прорывает их. Даже в самые худшие времена идеи, которые впоследствии превращались в Слово, избегали цензуры и попыток заткнуть рот их авторам, продолжали оставаться неподкупными и непокорными, когда все вокруг молчали, покорялись и продавались. Их авторов пытались заставить молчать разными способами: бросали в тюрьмы, конфисковали имущество, сжигали на кострах, вымогали «добровольные» отречения, как поступила инквизиция с Галилеем, а Сталин – с Исааком Бабелем. В ходу

были взятки и подкуп с помощью наград и почестей, отправка в сумасшедшие дома и богадельни, угрозы убить, сослать, и все же идеи воплощались в Слово, в Слово, которое нельзя похоронить или приурочить.

Письменное слово продолжало существовать и побеждать, несмотря на костры, которые разжигали, чтобы его уничтожить. Так поступил китайский император Цинь Шихуанди,¹⁵⁾ тот самый, который построил Великую Китайскую стену, в 3-м веке до нашей эры приказавший сжечь все книги, написанные до его правления (за исключением нескольких трактатов по сельскому хозяйству), тщетно пытаясь доказать, что мировая история начинается с него.

Тот же фанатизм привел к беспощадному уничтожению библиотеки, созданной Птолемеем в Александрии за три века до христианской эры и сожженной в 273-м г. во время одной из гражданских войн, разразившихся в правление римского императора Аврелиана.¹⁶⁾

Евклид, дающий уроки геометрии (гравюра XVIII в.). В разные годы в Александрийской библиотеке работали Архимед, Аристарх Самосский, астрономы Гиппарх и Клавдий Птолемей, Евклид и другие выдающиеся деятели того времени.

Тысячи книг были сожжены нацистами в 1933-м году. Несколько тысяч книг было сожжено украдкой, но с не меньшей жестокостью в 1977-м году на полковом плацу в аргентинском городе Кордова.

Именно нетерпимость стала причиной ужасной багдадской катастрофы **14-го апреля 2003-го года**, происшедшей через месяц после начала вторжения в Ирак, в тот самый день, когда мир узнал о бегстве Саддама Хусейна. **В городе начались повальные грабежи, жертвой которых стала и Национальная библиотека. Было сожжено и украдено по меньшей мере 800 тысяч томов, словно они были виноваты во вторжении с Запада. Погибла вся коллекция Омара Хайяма; осколки мин**

уничтожили аппараты для микрофильмирования и ящики, в которых хранились редкие документы исчезнувшей Оттоманской империи. Оказались украденными или уничтоженными шумерские клинописные таблички, в том числе таблички с записями поэмы о Гильгамеше. Директор библиотеки сумел спасти несколько фрагментов одной глиняной таблички со следующими строчками:

«Рычание Хумбабы – Потоп, его пасть – Огонь, его дыхание – Смерть!

Он за сто лиг слышит каждый шелест (?) в своем лесу!

Кто же осмелится войти в его лес?»

Этим отрывочным строчкам, выбитым на третьей табличке, повезло куда меньше, чем одиннадцатой табличке, повествующей о Великом Потопе и хранящейся в Британском музее.

Но ни ненависть варваров, ни нетерпимость фанатиков не смогли уничтожить книгу, память которой является памятью всего человечества.

Книга в любой форме, будь то клинописные таблички, на которых записана поэма о Гильгамеше, рукописные копии молитвенных книг, сделанные монахами средневековых монастырей, первая печатная Библия Гутенберга, фельетоны Диккенса, три компьютерных диска, на которых записана 30-томная «Британская энциклопедия», или архивы, которыми люди обмениваются в Интернете, всегда останется не только праздником знания, но – и это самое главное – праздником жизни.

А что такое праздник жизни в эпоху торжества рыночной экономики, финансовой и промышленной интеграции? Это прославление высших достижений человеческого духа: языка, воображения, свободы, горячего стремления к справедливости и равенству. Мы, собравшиеся здесь, всегда будем представлять себе рай чем-то вроде библиотеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Гильгамеш – полулегендарный правитель г. Урука в Шумере (28 в. до н. э.). В шумерских эпических песнях 3-го тысячелетия до н. э. и большой поэме конца 3-го – начала 2-го тысячелетия до н. э. описываются странствия Гильгамеша в поисках тайны бессмертия и его дружба с диким человеком Энкиду.

2) Ашшурбанипал – царь Ассирии в 669 – около 633 г. до н. э. Воевал с Египтом, Эламом, Вавилонией. Вошел в историю и как собиратель древних письменных памятников. Библиотека Ашшурбанипала, насчитывавшая свыше 30 тысяч клинописных табличек, была найдена в 1849-54 гг. на месте Ниневии (ныне холмы Куюнджик и Тель-Неби-Юнус, Ирак), столицы Ассирии в конце 8 – 7 вв. до н. э., в 612 г. до н. э. разрушенной войсками вавилонян и мидян.

3) Рапсоды – здесь: мелодекламаторы, речитативом, без музыкального сопровождения исполнявшие эпические поэмы на праздниках, пирах и состязаниях.

4) Анатолийское плоскогорье – внутренняя часть Малоазиатского нагорья в Турции, ограниченная горами Тавр на юге и Понтийскими на севере.

5) Мурасаки Сикибу (около 978 – около 1016) – японская писательница, автор нравоописательного романа «Гэндзи-моногатари» (около 1001-1006), являющегося вершиной классической японской прозы, а также «Дневника Мурасаки Сикибу» (около 1010).

6) Леопольд Блум – главный герой авангардистского романа «Улисс» (1922) английского писателя Джеймса Джойса (1882-1941), ирландца по происхождению.

7) Бродель Фернан (1902-85) – французский историк. Труды преимущественно по экономической истории Западной Европы 16-18 вв.

8) Кэрролл Льюис (настоящее имя Чарлз Латуидж Доджсон) (1832-98) – английский писатель, математик и логик, автор повестей-сказок «Алиса в стране чудес» (1865) и «В Зазеркалье» (1871).

9) «Пополь-Вух» – эпос индейцев киче, проживающих в Гватемале и относящихся к группе племен майя-соке. Записан латинскими буквами в середине 16-го в.; первая научная публикация – 1861. В основе памятника – мифические сказания и исторические предания.

10) Брех Герман (1886-1951) – австрийский писатель, автор романов «Лунатики» (1931-32), «Смерть Вергилия» (1945) и «Искуситель» (1953), посвященных распаду ценностей буржуазного мира.

11) Сармьенто Доминго Фаустино (1811-88) – аргентинский государственный деятель и писатель. Президент Аргентины в 1868-74, внесший большой вклад в развитие экономики и культуры страны. Автор эссе «Факундо» (1850).

12) Браганса – династия королей Португалии (1640-1853) и императоров Бразилии (1822-89).

13) Китс Джон (1795-1821) – английский поэт-романтик, автор патриархально-утопической идиллии «Эндимион» (1818), символично-аллегорической поэмы «Гиперион» (1820), од «Осени» и «Психее».

14) Локк Джон (1632-1704) – английский философ-материалист, создатель идейно-политической доктрины либерализма. В «Опыте о человеческом разуме» (1690) разработал эмпирическую теорию познания.

15) Цинь Шихуанди (259-210 до н. э.) – правитель (246-221) царства Цинь, император (с 221) Китая, создатель единой централизованной империи Цинь (221-207). Противник конфуцианства (по его указу сожжена гуманитарная литература и казнены 460 ученых).

16) Неточность автора. Александрийская библиотека, насчитывавшая от 100 до 700 тысяч рукописных книг и основанная в начале 3-го в. до н. э., частично сгорела в 47-м г. до н. э.; большая часть книг была уничтожена в 391 и 415 гг. н. э., а остатки – уже в 7-8-м вв. н. э.

Перевод с англ. и примечания
Е.А.Каца, канд. пед. наук.

Мариан КОРЕН,
ответственная за исследовательскую работу и международные связи
Ассоциации публичных библиотек Нидерландов

Обеспечение прав ребенка: правовая основа библиотечных служб для детей

Резюме

Для всех, кто так или иначе связан с детьми и молодежью, Конвенция ООН по правам ребенка обеспечивает юридическую поддержку библиотечной политики и практики.

Конвенция утверждает права ребенка как личности и гражданина. В Конвенции ООН зафиксировано право ребенка на грамотность, информацию, образование. Это главные принципы, которые должны лежать в основе деятельности любой детской и школьной библиотеки или информационного центра. Ниже будет подробно рассмотрено, какое значение приобретают эти права в библиотечных службах, как библиотеки могут помочь ребенку реализовывать свои права. Мы также отсылаем всех заинтересованных лиц к недавно принятому Руководству для детских библиотек ИФЛА.

Соблюдение его прав должно быть гарантировано каждому ребенку вне зависимости от каких-либо обстоятельств. Можем ли мы привлекать самих детей к реализации библиотечных программ и к развитию новых направлений? Следует ли поощрять сотрудничество библиотек с (интер)национальными организациями, такими как ЮНИСЕФ и др., чтобы тем самым содействовать созданию безопасной и благоприятной обстановки для реализации прав ребенка в полном объеме?

Также будет рассмотрено, как библиотеки на практике могут обеспечивать соблюдение прав ребенка (Based on: Keren, M., The Right of the Child to Information, NBLC, The Hague, Netherlands, 1996).